

Ольга БОРИСОВА

КАЛИНОВКА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Выборка из книги рассказов

ГОСТЬ

1

Жил в селе мужичок. Так себе: скромный, неказистый, небольшого росточка, ничем не выделяющийся. Звали его Тихон Перепёлкин.

Сельчане частенько посмеивались над ним и обзывали бирюком. За калитку он почти не выходил, друзей не имел. Зато женушка его, красавица Аринушка, слыла в Калиновке бой-бабой. Связываться с ней боялись даже мужики, любого могла поставить на место. Жили они вдвоём и, к удивлению сельчан, мирно. Единственная их дочь училась в городе на юриста. На выходные она частенько приезжала домой. Провожал её обычно Тихон. Донесёт до автобусной остановки тяжёлые сумки, набитые продуктами, и с понурой головой возвращается обратно. Но однажды весной ему самому пришлось ехать в город. Дочь то ли экзамен завалила, то ли боялась, что не сдаст, но ей срочно понадобились деньги. Вот и отправила Аринушка муженька в город: «Гляди, деньги не потеряй! Спрячь подальше. Рот не разевай! На обратном пути заедешь на рынок, купишь домой колбасы копчёной, сыра и рыбки красной», — приказала она. И Тихон уехал.

Не любил он города. Дышать в нём трудно и свободы нет. «Как Валюха его переносит», — удивлялся Тихон. А больше всего он не любил современных новшеств — автоматов, продающих билеты в метро. Да и метро тоже не любил и предпочитал ездить на автобусе. «Ну и пусть, что больше времени потрачу, зато город посмотрю», — рассуждал он, примостившись на переднем одиночном сидении. Но постепенно в автобус набился народ, и стало не до городских красот. Все пыхтели, вздыхали, суеились. Ворчала кондуктор, отоваривая вошедших билетиками.

— Вот мужики пошли! — вдруг послышался рядом с Тихоном злой женский голос. — Женщина стоит, а он на переднее сидение уселся и делает вид, что не замечает! Тихон обернулся и увидел толстую женщину в синем пальто и красной шляпе. Её глаза метали молнии. Тихону казалось, что она сейчас вцепится в куртку своими красными когтями и будет трясти его как грушу. Он быстро соскочил с сидения и, держась за поручни, на всякий случай отодвинулся от неё подальше. Сине-красная плюхнулась на кресло, при этом не забыва произнести ядовито: «Нахал!» Тихон еле дождался своей остановки и, как ошпаренный, выскочил из автобуса. Ему казалось, что все осуждающе смотрят ему вслед. «Ну и пусть. Они меня не знают, и я их больше не увижу», — пытался успокоить себя. Зазвонил сотовый: «Пап, ты доехал? Я сейчас прибегу. Будь на остановке!»

Валюшка появилась быстро. В белом пальто и белых сапожках, словно прекрасная фея, она шла к нему по узкой аллейке. «Красивая у нас Валюха. Лицом вся в мать», — с гордостью подумал он, тут же забыв о своих печалях.

— Пап, ты не обижайся, но я спешу. Мне до двенадцати нужно отдать деньги, иначе мне не засчитают экзамен, со всеми вытекающими последствиями.

Тихон сразу представил эти последствия и торопливо затараторил:

— Конечно. Что мне обижаться, ты, главное, реши эту проблему! Нельзя сейчас без образования! Никак нельзя, — поцеловав на прощание дочь, он отправился на городской рынок, выполнять заказы жены.

Рынок встретил его ароматами различных специй и сдобы. «Сейчас куплю всё, что приказала Арина, и тогда полакомлюсь пирожками», — решил он и пошёл по рядам, деловито рассматривая товар. Чего только не было на прилавках! Свежая зелень, умело разложенная небольшими пучками, рядом примостились помидоры и огурцы. Чуть поодаль красовались жёлтые апельсины, за ними — мандарины и яблоки. Тихон дошёл до колбасных рядов и, перепробовав многие виды, наконец, выбрал нужную. То же проделал и с сыром. Самым сложным оказалось выбрать рыбу, но и с этим ему удалось справиться. Закончив с покупками, Тихон отправился за пирожками в небольшое кафе с яркими надписями и красивыми картинками на стекле.

Народу, к удивлению Тихона, в кафешке не оказалось. Некоторое время он постоял у прилавка, по-хозяйски рассматривая цены. Выбрав самсу, пирожок с ливером и ароматное капучино, уселся за столик, предвкушая трапезу. Отхлебнув глоток горячего напитка, Тихон заметил, что дверь открылась, и в помещение зашёл мужчина лет сорока в модной прошитой серой куртке, темно-синих джинсах и с красивым, с золотой застёжкой портфелем в руках. «Наверное, учёный какой-то или состоит в руководстве завода», — подумал он. Завод за высоким забором, огороженный колючей проволокой, находился неподалёку. «Нет, всё-таки учёный!» — и стал исподтишка наблюдать за вошедшим. Незнакомец, купив два пирожка, салат и кофе, уселся за соседний столик. Тихон заметил, что он чем-то расстроен. Мужчина открыл портфель и стал в нём рыться, но, не отыскав желаемого, раздражённо бросил его на рядом стоящий стул. Кривая ухмылка скользнула по лицу. Вдохнув, достал из внутреннего кармана куртки дорогой телефон. Тихону показалось, что «учёный» вовсе забыл, зачем он сюда пришёл. Наконец, положив телефон на стол, мужчина принялся за еду.

— Поди, кофе остыл, пока искали, — посочувствовал Тихон. Ему жутко захотелось поговорить с умным человеком.

Мужчина мимолётно взглянул на него и тихо ответил:

— Ничего страшного...

— У вас неприятности?

— Да есть небольшие, — теперь он более внимательно оглядел Тихона. — А вы случайно не знаете, где в нашем городе можно найти недорогую гостиницу? — спросил незнакомец. — Мне нужно всего на пару дней. Я пытался сейчас поискать, но дорогие очень. Мне они пока не по карману.

— Не, я сельский. В Калиновке живу, к дочери приехал. Вот с пирожками переживаю время. В четыре часа автобус, с ним и уеду.

— Я так и подумал... На всякий случай спросил.

— А вы что, по делам приехали? Или по поводу какому? — снова пристал с вопросом Тихон.

— В командировку, на ваш завод. Да вот беда, обокрали меня, — разоткровенничался мужчина. — Из портфеля папку вытащили. А в ней карта, пропуск, проездные и командировочные. Хорошо, что телефон и портмоне с паспортом в куртке лежали.

— Ох, какая беда! Аккуратней нужно. Народ теперь пошёл ушлый. Всё норовит поживиться за счёт других. Мне Ариша строго-настрого приказала «рот не разевать».

— Ну, вот и получается, что я его-то и раскрыл. Со мной такого не случалось. В портмоне всего пять тысяч, на них двое суток в чужом городе не проживёшь.

— А вы бы своим сообщили. Пусть пришлют. Надо же человека выручать, с каждым может такое произойти.

— Позвонил в отдел, сообщил о пропаже. Пообещали в течение суток оформить новые документы и переслать в приёмную на завод. За сутки они не управятся, с пропуском волокита будет. Я его неделю оформлял. А жену мне не хочется тревожить. Сердце у неё слабое, переживать начнет. Да и банковской карты тоже нет, — он развёл руками, — украли.

Тихон задумался. «А если бы меня обокрали, что бы я делал?» — он непроизвольно потрогал внутренний карман. Его тысяча лежала на месте.

— А знаешь, поехали к нам в село, — неожиданно для себя предложил он. — Всего-то час езды. Поживёшь у нас, пока твои документы будут делать. В Калиновке хорошо! — он от удовольствия даже причмокнул. — Свежий воздух, цветы цветут, бабочки летают, птицы поют — живое всё, не то что в городе!

Незнакомец явно не ожидал приглашения и удивлённо приподнял брови:

— Вы не шутите? А что жена на это скажет? Вы бы посоветовались бы сначала с ней. Разрешения спросили. Да и заплатить я не смогу до тех пор, пока деньги не перечислят.

— Не нужны нам ваши деньги. Люди должны друг дружке помогать. Так жили наши родители, и мы так живём, и дети наши по таким же законам жить будут. Мы для них пример! — довольный сказанным, расправил с гордостью плечи. — А жена должна мужа слушаться! Аринашка у меня хорошая: хозяйственная, умелая, гостеприимная! И накормит, и напоит.

2

На автостанцию они пришли вовремя. Купив билеты, отправились на четвертую платформу, где повстречали Федьку Косого:

— Перепёлка, а ты что здесь делаешь?

— То, что и ты. В город приезжал, к дочери.

— А это кто с тобой? — он глазами показал на идущего рядом мужчину.

Тихон обрадовался встрече. Федька — трепач, и теперь все в селе будут знать, что к Перепёлкиным приехал большой человек. Он поднял указательный палец и загадочно произнёс: «Учёный... Иди, Федька, дай нам пообщаться!»

— Тебя хоть как зовут? — повернувшись к новому знакомому, спросил Тихон.

— Юрий Дмитриевич Курбанов. Работаю в НИИ, кандидат технических наук.

— О, я так и подумал, что учёный. У меня глаз вострый! А меня Тихоном кличут. Фамилия Перепёлкин. Человек я простой, без образования. Комбайнёром работал. Родился в Калиновке и умру в ней. А вот дочь в госуниверситете учится на юриста. Сейчас без образования никак не прожить.

Вскоре подошёл автобус. Закончив посадку, дежурная отправила его в путь. Всю дорогу Тихон молчал. Зная крутой характер жёнушки, продумывал, как представить гостя. В голове рождались всякие идеи, но ни одна ему не нравилась. Тогда он решил: «Будь что будет. Выгонит, уйду вместе с ним. Найдём, где переночевать»...

Арина находилась в хорошем расположении духа. Недавно позвонила дочь и сказала, что проблеме она закрыла. Щёлкнула щеколда калитки, и во двор вошёл Тихон вместе с незнакомым мужчиной. «Никак что-то случилось?» — только и успела подумать она.

— Жёнушка, это Юрий Дмитриевич — большой учёный, кандидат технических наук, — представил гостя муж. — Он несколько дней поживёт у нас, — и не терпящим возражения голосом добавил: — Проголодались мы! Корми скорей!

Арина засуетилась, накрывая на стол. Она слышала, как важный гость назвал её красавицей, и видела, как от похвалы возгордился муженёк. И Аринашка расстаралась. Она летала по кухне, готовя разные вкусности. Вскоре накрытый белой скатертью стол ломился от яств, а в середине красовалась в красивой бутылке из-под виски вишнёвка, вынутая из шкафа по случаю приезда дорогого гостя. Сначала беседа никак не клеилась, но, выпив по чарочке, разговорились. Юрий Дмитриевич вкратце рассказал, что они в НИИ изобрели прибор, а здесь на заводе проводят его испытания. Что-то у них там не сработало, и он прилетел разобраться. Незаметно под столом Тихон толкнул ногу Курбанова. Он сразу всё понял и перевёл разговор на другую тему. Спать гостя определили во второй половине дома, разделённой узким коридором.

А по селу уже летела молва, что к Перепёлкиным приехал большой учёный, и он будет гостить в Калиновке несколько дней. Некоторые предположили, что это родственник:

— Смотрите, какая Валька у них умная! В университете учится. Вот они, гены!

— Явно родственничек и, видно, по Аришкиной родне, по Бабичевым, — заключили другие. Всем не терпелось поскорее увидеть приезжего...

— Тиша, как там, в городе? — завела разговор жёнушка, когда они улеглись спать.

— Нормально, — однозначно ответил Тихон, понимая, что этот разговор не приведёт ни к чему хорошему.

— Машин, наверно, много?! Дома красивые, театры...

— Много, — и строго добавил: — Арина, спать пора. Устал я сильно.

— Какого ты гостя нам привёз! Все в Калиновке с ума сойдут от зависти, — Тихон почувствовал, как она улыбается. — Ты мне раньше не говорил, что у тебя есть такой знакомый, — он напрягся, ожидая нового вопроса. — А на самом деле, откуда ты его знаешь? Вроде и в городе редко бываешь. Может, дочь познакомила? — Тихон стал усиленно сопеть, делая вид, что уснул. — Ты чего молчишь? — она толкнула его в плечо.

— Сплю я уже, а ты пристаешь с глупыми вопросами, — повысил он голос.

— Тишенька, ты мне ответь, и я отстану. Интересно же!

— С ним в кафешке познакомился, когда он прошлый раз на завод приезжал, вот теперь снова случайно встретил, — соврал он.

— В кафешке?! Ты что, по кафешкам ходишь? — Тихон почувствовал, как напугалась жена. «Ну, всё! Сейчас разразится», — успел подумать он и не ошибся. — Да

там только жулики бывают! Откуда ты знаешь, что он на завод приехал? Ты его там видел?! Ты кого в дом привёл?!

— Он не жулик, а учёный! Таких по телевизору показывают, а ты сразу «жулик». Радоваться должна, что с умными людьми общаешься и что такой человек живёт сейчас у нас.

Арина вскочила с кровати и подбежала к окну, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

— А ты его паспорт видел? Может, он тебе наплёл с три короба, а ты и уши развесил! Может, он рецидивист и его ищет полиция?!

Тихон поёжился. «А может, жена и права, — подумал он. — Я и на самом деле не знаю, кто он, и паспорт его не проверял». Ему ничего не оставалось, как снова соврать:

— Да видел! Отстань от меня, дай поспать!

— Паспорт можно и поддельный сделать, — не унималась жена. — Ну что же ты такой наивный! Вот этот твой «учёный» ограбит нас, будешь тогда знать! — она подошла к двери, слегка её приоткрыла и заглянула в образовавшуюся щель. Затем на цыпочках вышла в коридор и приложила ухо к другой двери, за которой спал гость. Услышав храп, успокоилась. Вернувшись в дом, плотно закрыла дверь и накинула железный крюк. — Так спокойнее будет! Утром разберёмся!

А утром спозаранку прибежала кума:

— Мне тут не спалось, я блинчиков по утрянке настряпала. Вот решила вас угостить, — ей, видно, не терпелось узнать, кто же к ним приехал, и она начала издалека. — Свет у вас что-то до полуночи горел. Аль случилось что?!

Арина сразу поняла, зачем прибежала кума, и решила поддержать игру:

— Гость к нам приехал. За столом долго сидели да по чарочке выпили.

— Мне тут сорока вечером на хвосте принесла, что гость-то непростой. Вроде как учёный? Или наврала то сорока?

— Ты за этим пришла?

— А ещё сказала, что он сродник ваш и вроде как по твоей линии. Правда, что ль?

«Вот наплели», — подумала Арина и, еле сдерживая улыбку, утвердительно кивнула головой:

— Иди, кума, домой! Некогда мне! Завтрак нужно готовить, скоро мои проснутся, а я ещё ничего не сварила, — и, довольная собой, отправилась на кухню.

Сначала проснулся Тихон. Услышав, что на плите что-то шкворчит, жарится и кипит, понял, что жёнушка успокоилась. Незаметно подкрался к ней сзади и обнял за талию.

— Э-эх, «учёный!» И когда же ты у меня поумнееешь? — уже более миролюбиво произнесла Арина, мешая ложкой что-то в сковородке. — Иди умойся. Скоро гость проснётся, будем завтракать.

За завтраком Арина внимательно наблюдала за Юрием Дмитриевичем. «Ест аккуратно. Вилку с куском в рот сразу не тянет, а странно так закручивает. Интеллигентный! Надо про семью разузнать, — решила она и с деревенской хитринкой спросила вроде невзначай:

— Тиша, а Валечка не говорила, приедет домой на выходные?

— Не успел спросить, торопилась она.

— Дочь у нас в городе учится, — объяснила гостю. — Переживаю за неё. Вот уже на третьем курсе. Закончит и в село, наверно, не вернётся. Одним нам век свой доживать придётся... А у вас, Юрий Дмитриевич, дети есть?

— Как же, есть, конечно. Сын, одиннадцать лет, Митькой зовут, — вытирая салфеткой рот, ответил гость.

— Такой маленький?! — удивилась Арина, явно намекая на его возраст. Юрий Дмитриевич всё понял:

— Женился я поздно. Всё учился: сначала в политехе, затем в аспирантуре, защищался. С Люсей в аспирантуре познакомился. Женились после защиты. А потом она заболела, — он замолк. Напряжённая тишина повисла в воздухе. — Обычный сезонный грипп, а осложнение дал на сердце. Вот поэтому, Арина Петровна, Митька у нас ещё маленький. Любопытный растёт, — он засмеялся. — Барометр я как-то из Праги привёз. Сыну лет пять тогда было. Прихожу с работы, а он над ним колдует. Весь разобрал, а потом собрал. Смотрю, шуруп лежит на столе. А шуруп, спрашиваю, откуда? «Он лишний», — ответил сын.

— А с барометром что? — забеспокоился Тихон.

— Работает, только всё наоборот показывает, — Юрий Дмитриевич снова засмеялся. — Я мальчика в кружок технический при Доме творчества определил. Тяготеет он к технике.

— А жена как? — сочувственно спросила Арина.

Но гость не успел ответить. Зазвонил его сотовый:

— Слушаю, Степан Аркадьевич!.. Хорошо... Спасибо!.. А пропуск?.. А завтра точно будет готов?.. Ну, отлично! — Юрий Дмитриевич отключил телефон: — Документы сегодня к обеду перешлю, а пропуск готов будет только завтра. Так что я могу вечером уже уехать. И так вам суеты доставил.

За столом наступила тишина.

— Нет уж, Дмитрич, вот как пропуск перешлют, так поедешь! — вдруг решительно заявил Тихон. — Что ты в городе делать будешь? Город, он того, денег требует! Да и всяких отшепенцов там полно, того и гляди в карман залезут. Правда, Арина?!

— Конечно, оставайтесь, Юрий Дмитриевич!

3

После отъезда Курбанова грустно стало в доме Перепёлкиных. Тихон видел, что жёнушка заскучала. «Вот баба! Учёного ей подавай!» — в нём проснулась давно забытая ревность и обида. Он сел на бревно подальше от глаз жены на заднем дворе и стал вспоминать молодость.

Арину он знал с детства. Она жила на соседней улице и часто играла с мальчишками в казака-разбойника или в лапту. Темноглазая, озорная, с непослушными кудряшками на голове, она казалась ему не такой, как все девчонки в селе. Аришка никогда не плакала, даже когда разбивала коленки до крови. Она не жаловалась родителям, если её кто-то обижал. Уже тогда девочка могла дать отпор любому пацану. Шли годы. Снова Тихон обратил внимание на девушку, когда учился в десятом классе. Около семиклассницы и отличницы Арины Бабичевой всегда крутились мальчишки. «Какая красивая дивчина», — подумал Тихон, и вдруг под сердцем у него что-то ёкнуло. Он понял, что влюбился. С тех пор Тихон старался не выпускать её из виду. Обратить на себя внимание помог случай.

Как-то летом в колхоз привезли студентов убирать помидоры и арбузы. Жили они в студенческом лагере за селом и часто навевывались в Калиновку. Однажды небольшая группа молодых подвыпивших парней заявила на танцплощадку. Они сразу обратили внимание на стройную смазливую девчонку и стали к ней приставать. Сначала Арине это льстило, но чем больше она с ними кокетничала, тем развязнее себя вели парни. Тихон стоял за ограждением и всё видел. Арина, прячась за спины танцующих, поспешила к выходу. Но ребята оказались ушлые и кинулись вслед за ней. Вот тут на их пути стеной встал он...

Потом Тихон долго лежал в больнице с сотрясением мозга. К нему каждый день приходила Аришка. Она садилась на стул рядом, брала его руку и держала в своих тёплых ладошках, пока медсестра не прогоняла девушку домой. С тех пор они не расставались. А когда Арине исполнилось восемнадцать, поженились.

— Тиша, ты где? — по дорожке не торопясь шла жена.

«Какая красивая! Ей уже тридцать восемь лет, а она становится всё краше и краше», — успел подумать Тихон. Арина подошла к мужу, присела рядышком, прижавшись к плечу.

— Хорошо у нас, Тиша, — вдруг промолвила она. — С тобой хорошо!

Внезапно загремела щеколда калитки, и в её проёме показалась почтальонша Любаша.

— Хозяева! — закричала она, держа в руках толстый увесистый конверт. — Тихон Евсеевич, это вам, — протянула подошедшему Тихону. — Паспорт давайте и распишитесь.

— Паспорт тебе зачем?

— Письмо заказное, из Петербурга. Порядки такие!

Тихон с тревогой взял конверт, вскрыл. В нём лежали какие-то бумаги. Бегло оглядев, увидел в конце крупно написанную кругленькую сумму. У него затряслись руки: — Любка, разберись, что это? Что-то ничего не понимаю. О деньгах каких-то там речь?!

Почтальонша внимательно прочитала аккуратно вложенные три красочных листа.

— О, Арина Петровна и Тихон Евсеевич, собирайтесь!

— Куда собираться? — встревожилась Арина.

— В путешествие! — засмеялась Любаша. — Родственник ваш оплатил проживание в отеле и билеты в Санкт-Петербург, — она снова достала из конверта красивый листок и торжественно прочитала: — «Людмила Игоревна и Юрий Дмитриевич Курбановы приглашают Арину Петровну и Тихона Евсеевича Перепёлкиных посетить славный город Санкт-Петербург, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями и приятно провести время». Увидев застывшие лица Перепёлкиных, расхохоталась: — Бегите, чемоданы собирайте! Через три дня вылет!

ТАКА ЛЮБОВЬ

Александра Михайловна, закончив приём, дописывала историю болезни последнего пациента. «Фью-фью, чив-чив», — пели пичуги за окном. «Вот вам и фью-фью, — улыбнулась она. — Лето наступило, больных теперь мало. Все на огородах работают, некогда им болеть». Отбросив ручку, молодая врач, приехавшая работать в далёкое от райцентра село, подошла к открытому окну, посмотреть на крылатых певцов. Вдруг дверь резко распахнулась, и на пороге появился сторож — дед Матвей, ещё крепкий старик лет семидесяти в застиранной форменной одежде образца семидесятих годов, в диковинном картузе неизвестного времени, со старой берданкой за плечом, с которой никогда не расставался.

— Филька утоп! — выпалил он.

— Какой Филька? — растерянно спросила Александра Михайловна.

— Зойкин, Филька Колыбан!

— Когда утоп? — перед её глазами предстал худощавый небольшого роста, ничем неприметный сорокалетний мужик с рыжей непослушной шевелюрой.

— Да вчера утоп. На озеро пошёл порыбачить — ни его, ни удочек. Исчез, значит. Омут, видно, утянул.

— А почему вы решили, что утоп? Может, загулял где? Или с друзьями водочку попивает? Вместе с удочками не тонут. Что-то должно же остаться на берегу? — засомневалась доктор.

— Не! Исключено. Водку не пьёт, жадный очень! А загулять — не ходок он. Раз было такое. К куме Нюрке в гости зашёл, так Зойка ей так накостыляла, что та полгода по больницам шлялась, лечилась, значит. Это ещё до вашего приезда сюда случилось. Теперь она их дом за километр обходит. И другим бабам — урок. Бояться с Зойкой-то связываться. А удочки — да кто его знает? Может, ребяташки утащили...

— Матвей Егорович, вы участковому сообщили? Искать же его надо!

— Сообщил!

— А что он?

— Да ничего!

— Как ничего? — ещё больше удивилась доктор.

— Говорит, что объявится. Если через недельку не придёт, водолазов вызовет.

— Сейчас я сама ему позвоню, — недоуменно пожав плечами, она набрала нужный номер телефона.

— М-да! — послушался на другом конце провода строгий голос участкового, мужчины средних лет, серьёзного и весьма уважаемого в селе.

— Степан Петрович, мне тут весть плохую принесли. Говорят, что Филимон Колыбанов утонул. Что делать будем?

— Да ничего, Александра Михайловна! Объявится скоро. Семейка эта чудная.

— А если не объявится?

— Давайте недельку подождём.

«Странные какие-то здесь нравы», — положив трубку, подумала докторша и, обернувшись к переминающемуся с ноги на ногу сторожу, спросила:

— А жена его что говорит?

— Воет. По селу носит, в каждый дом заглядывает, костерит на чём свет стоит. Все кусты вокруг озера обшарила.

— Матвей Егорович, а вы как считаете, где он?

— А шут его знает. Он человек скрытный, тёмный. Может, Зойку на верность проверяет, а может, и утоп. Омут в озере есть. Он уже прибрал одного — Гришку Пегова. Еле нашли. Водолазов с города вызывали.

Дверь кабинета врача резко распахнулась, и в неё влетела запыхавшаяся, с растрепанными волосами, со сбившимся с головы платком Зойка.

— Дохтур, роденька, — запричитала она, вытирая концом платка слёзы. — Касатик мой пропал! На рыбалку пошёл и не вернулся. Я к участковому, а он искать его не хочет. Что делать-то? Ой-ё-ёй!..

— А вы ничего подозрительного не заметили, когда он уходил? Может, в гости к кому отправился, а сказать вам побоялся?

— Да что вы! Ведёрко да удочки подхватил, озорно так пальчиком погрозил и ушёл. Больше своего ненагляденького я и не видела.

— А может, участковый и прав? Если завтра не объявится, будем искать. А пока домой идите, авось вернётся.

Но Филька не вернулся. «Утоп!» — быстро разнеслось по селу. Потянулись соседи к дому Колыбановых, решать, значит, что делать дальше. Мужики гурьбой отправились к участковому.

— Петрович, делать что-то надо. Филька-то сгинул, — начал разговор Колька Серый — сосед Колыбана.

— Водолазов, Лександрыч, вызывай, — поправив берданку на плече, добавил Матвей Егорыч, — видно, и впрямь утоп.

На следующий день из города приехала машина МЧС. Из неё вышли двое. Одев снаряжение, спустились в озеро. На берегу собрались все сельские мужики. Они стояли кучками, перешёптывались и тревожно вздыхали.

— Вот угораздило! — доносилось то с одной, то с другой стороны.

— Второй уже. Видно, Гришка забрал. Скучно ему на том свете без дружка.

К вечеру уставшие водолазы сообщили, что обследовали всё дно, но труп не нашли, и они уехали.

— Как же так? — вздыхала примчавшаяся к участковому Зойка. — Не мог же он сквозь землю провалиться? Что же делать теперь, Петрович?

— Оформим как без вести пропавшего. Положенный срок пройдёт, и если не объявится, выдадим справку о смерти.

— Как же он объявится, если его уже рыбы съели? Да и косточек не оставили! Касатик мой-й-й! — завывала новоиспеченная вдова и, спотыкаясь, побрела домой.

Прошла неделя после таинственного исчезновения Фильки Колыбана. Стали в селе замечать, что длинноногая Зойка повеселела, платочек новенький на голову повязала, платье покороче надела...

— Неспроста это, — судачили у магазина бабы.

— Смотри, идёт. Не идёт, а плывёт. А ведь мужа только что потеряла. Ох, неспроста! — вторили другие.

— Бабоньки! За мужиками своими смотрите. Бешеная она! Так и гляди, что уведёт какого! — говорили трети...

Жизнь в селе постепенно вошла в привычное русло. Повздыхали мужики при встречах, погоревали около магазина бабы, и о Фильке забывать стали. Не было больных и у Александр Михайловны, и она заскучала. Только местный сторож Матвей Егорыч продолжал навещать её по утрам. С деревенской рассудительностью рассказывал последние сельские новости. Вот и сегодня поведал, что у Тольки Хилого соседский петух горох выклевал и ему Толька чуть башку не свернул, а Валька, жена, значит, соседям скандал учинила! А в очереди за хлебом Ганька с Петровной поругались...

— Что на этот раз не поделили?

— Знамо что. Из-за мужиков сцепились.

Летний тёплый день, словно мёд с банки, тек нудно и медленно. Из больных только старый дед Гриша заглянул после полудни.

— Дочка, поясницу вот скрутило.

Получив укол, кряхтя, отправился восвояси. Наступил вечер. Послышались звоны колокольчиков да окрик глухого пастуха Пашки. «Вот уже и коров пригнали с пастбища. Больше уже никто не придёт», — складывая инструменты, подумала доктор. Зазвенели бабы подоюнками, и вскоре в хатах засветились первые огоньки. Закрыв амбулаторию, Александра Михайловна отправилась домой. Идёт, не торопится. Решила дорогу срезать, вдоль лесочка пройти, а там и дом её, для молодого специалиста специально построенный. Только свернула с дороги, смотрит, крадёт кто-то, оглядывается. Темно стало, лица не разглядела. Испугалась врачаха да за деревце спряталась. А тот по задворкам и прямо к Зойкиному дому. «Вот тебе и Зойка! — усмехнулась она. — Недаром, значит, бабы судачат».

Не успела Александра Михайловна ещё и постель разобрать, как раздался громкий стук в окно.

— Доктор! Доктор! — донёсся знакомый голос сторожа. Просыпайся, миленькая!

— Что случилось, Матвей Егорыч?

— Смертоубийство!

Александра Михайловна, накинув халатик, открыла дверь.

— Кто и кого убивает?

— А кто его знает. Там клубок целый! И все друг друга колошматят, — с явным наслаждением добавил дед.

— Вы можете мне толково объяснить, кто, кого и где колошматит?

— Так я же и говорю, что Филька убивает Зойку, Ганька убивает Кольку, и все друг друга лузжут. Вы уж поторопитесь, участковый за вами послал. Помощь, возможно, нужна будет, если уже не поздно.

Врачиха быстро оделась, схватила чемоданчик с большим красным крестом, на ходу язвительно бросив:

— Так что, Филька объявился, что ли? Он же утоп, кажется?

— Да не! Жив и здоров. Буянит сильно. Кольку застучал со своей женой.

— Ах, вот оно в чём дело! На самом деле, чудная семейка!

А в доме Колыбановых уже теснился народ, во всех комнатах горел яркий свет, повсюду виднелись следы драки. В передней на полу валялся расхлёстанной веник, а в углу на стуле лежала старая икона в деревянном окладе. «А икона тут при чём?» — удивилась Александра Михайловна. Увидев доктора, сельчане уважительно расступились. В зале за большим круглым столом, заправленным белой скатертью, с вышитыми по бокам васильками, сидел участковый и что-то записывал в тетрадь. Кто-то держал за локоть Фильку, женщины сдерживали пышущую злостью Ганьку.

— Садитесь, Александра Михайловна. Допрос чинить буду, а вы о нашем житье-бытье послушайте, — затем, повернувшись к Зойке, строго спросил: — Ну, рассказывай, Зоя Иванна, что у вас тут произошло.

В это время Филька сквозь зубы процедил:

— Сука она!

— А тебя сейчас не спрашивают. С утопленником позже поговорю. По закону за всё ответишь и за водолазов заплатишь!

— А я не просил вас по омутам лазить, — огрызнулся Филька.

— Вот я и рассказываю, — всхлипывала Зойка, — только свет выключила, как вижу, призрак заходит в комнату. Не! Не заходит, а всплывает и по лунной дорожке на полу ко мне идёт. Всматриваюсь, на мужа моего покойного смахивает. Точь-в-точь как он. Знать, думаю, по мою душеньку пришёл.

— Ты, курва, забыла сказать, с кем спать собралась!

— Не перебивай, — строго оборвал Степан Александрович.

— Так вот! Успужалась сильно! Покойник же! Тут вспомнила рассказы бабки Прасковьи, как она метлой призрака выгнала. Схватила я веник, что под руку попался, и давай его гнать. А оно-то, приведение это, драться стало. Тогда я Кольку и кликнула.

— Который в одном исподнем в кровати твоей лежал, — опять вставил Филька.

— Почудилось тебе! Одеяло там лежало, ночи-то у нас холодные. Он на крик мой истонный прибежал. Как раз во дворе своём был.

— Филька, ещё одно слово, и под охраной Матвея Егорыча на улице своей очереди будешь дожидаться.

— Молчу, Степан Лександр! Я для неё всё, а она! — он отчаянно махнул рукой.

— Пока Колька с ним перебрёхивался, — обречённо продолжала Зойка, понимая, что попала в неприятнейшую ситуацию, — я икону Спасителя нашего взяла да святую водицу прихватила. Ею призрака-то и обрызгала. А он ещё пуще взбеленился. Что тут началось! На крики Ганька прибежала. Увидела своего мужа, разъярилась, кулаками махать стала. Вон они у неё какие! Всем досталось. Смотрите, глаз мне подбила. Теперь синяк будет! — Зойка снова прослезилась.

— Козёл плешивый, сказал, что на дежурство вызывают, — тут уже добавила взъерошенная Ганька. — Я тебе бородёнку-то повыщипываю!

Участковый повернулся к Фильке:

— Ну а ты, утопленничек, где пропадал?

— В сторожке у Матвеича жил да за курвой этой следил.

— Что, жену проверить решил?

— А хоть бы так! Это моё дело!

— Да дело-то твоё, но за свои поступки ответить придётся.

— Так вот это кто по задворкам, словно вор, крался! — возмутилась докторша. — До смерти напугал! Фу на тебя!

Смекнула тут черноглазая Зойка, что настал нужный момент для примирения и, упав на колени, поползла к мужу:

— Касатик мой, ненаглядненький-й! На кого ты меня хотел оставить! Я все глазоньки проплакала-а...

— Ага, вижу, как проплакала. Через неделю другого нашла, — уже более миролюбиво огрызнулся Филька.

— Филечка, родненький мой! Привиделось это тебе. Да я же при жизни твоей ни-ни! Вот как ты утоп, — она осеклась и тут же выкрутилась, — так совсем истосковалась, руки на себя наложить хотела, да соседи не дали. Разве мне окромя тебя кто нужен? От такого мужа налево не ходя-ать!.. Орлик ты мой крылатенький, это всё Ганька напридумала и шум подняла. Кольку своего приревновала!.. Колька, ну что ты как пень молчишь?! Скажи хоть слово! — повернувшись, в сердцах крикнула Зойка.

— Так оно и было. Я же сосед, крик услышал, на помощь и прибег, — оглядываясь на жену, сипло ответил Серый. — Ты, Филя, ничего не думай. Ганька это всё!

— Так прямо и Ганька?!

— А то кто ж, Филечка? У меня и в мыслях ничего плохого не было, — поторопилась ответить Зойка.

— Вот и прекрасно, — вмешался в разговор участковый. — Запишем в протокол, что произошло маленькое недоразумение. Ведь так, мужики? — он оглянулся и, уви-

дев одобрительные взгляды сельчан, дописал что-то в тетрадь. — Ну что, Ганька! Забирай своего муженька, да шагайте домой. Думаю, что вы и без нас теперь разберетесь. Но потише там, поняла? — строго предупредил он.

— Ага! — торопливо ответила Ганька и, схватив за локоть мужа, повела домой.

— Ну и нам всем пора расходиться. Полночь уже. Завтра вставать рано. Пойдёмте, Александра Михайловна, провожу вас до дома, а то объявится такой, как Филька, и переликает ещё.

Спускаясь с высокого тесового крыльца большого дома Колыбана, Степан Александрович, ухмыльнувшись, добавил:

— Привыкайте, доктор! Любовь здесь така!

ДВЕ СЕСТРЫ

Марья Никифоровна, сгорбленная временем и тяжёлой работой старушка семидесяти семи лет, отложив вязание, сидела в стареньком кресле возле окна. Подслеповатыми глазами она смотрела куда-то вдаль, часто вздыхала.

— Бабуль, покажи носочки. Ты их уже связала? — на ходу выпалила Варя, забежав в дом.

— Нет, ещё не закончила. Глаза устали.

— Ух, какие красивые, с полосочками! Ты мне их подаришь?

— Для тебя и вяжу, — баба Маша улыбнулась и обняла внучку: — Как ты быстро выросла, красавица моя! Уж четырнадцать годков исполнилось, — она погладила девочку по голове. — Дожить бы до твоей свадьбы.

— Бабуль, обязательно доживёшь! — Варя прижалась к её груди.

Каждый год, после завершения учёбы в школе, родители отправляли дочку в Калиновку на свежий воздух, набираться сил и здоровья. Девочка любила приезжать к бабушке. Здесь никто не заставлял её ходить в кружок на рисование и учить французский. В селе она чувствовала себя свободной и счастливой. Вместе с подругами Варя играла в разные игры, бегала купаться на речку. Также она не ленилась помогать бабушке в огороде, вместе с ней готовила обед, помогала по хозяйству.

Наступил вечер, принёсший долгожданную прохладу. Бабушка Маша грузно встала с кресла.

— Пойдём, внученька, на кухню. Ужинать пора, — вдруг загремела щеколда калитки. Взглянув в окно, Марья Никифоровна заулыбалась: — Меланья проведать пришла. Пошли встречать.

Сестра задержалась недолго. Рассказав последние сельские новости, заторопилась домой:

— Кур пора кормить да яички собрать. Снесут несколько штук, а потом их впотмах по всему курятнику ищу, — закрывая за собой калитку, на ходу крикнула: — Завтра пирожков с щавелем напеку, приходите!

Нехитрый ужин прошёл быстро. За чаем Варя неожиданно спросила:

— Бабуль, а почему бабушка Меланья говорит как-то странно, нараспев и не все слова выговаривает?

— В детстве она испугалась сильно. Не разговаривала. Лечили её долго. С тех пор картавит.

— Бабушка, расскажи, как это случилось.

Марья Никифоровна долила в чашки крепко заваренный чай, подвинула к себе поближе белую с золотистым ободком:

— Ну, слушай, раз напросилась. Давно это произошло, в голодные послевоенные годы. Меланье в ту пору всего четыре годочка исполнилось, а мне — восемь. Каждый год ранней весной мы на хутор переезжали, а поздней осенью в слободу возвращались. Отец хлеб стране растил, всё время на поле пропадал. А мы, как трава придорожная, сами по себе росли. Я маме по хозяйству помогала, воду из колодца приносила, за скотом приглядывала да за Меланьей смотрела.

— Бабушка, как же ты справлялась?

— А вот так и справлялась. Не баловали тогда детей, работать много приходилось, — Марья Никифоровна сделала несколько глотков душистого чая, вздохнула. — В тот год наша семья припозднилась с переездом. Уже октябрь к концу подходил, дожди заладили, похолодало, а мы всё на хуторе живём. Однажды отец прямо к обеду примчался: «Нюра, собирай детей! Председатель машину дал. Разгрузим и вернёмся. Утром скот погоним. Митька Петров обещался помочь». Мама узлы собрала, нас в кабину посадили, а в кузов мешки с мукой, тыквы, всякую снедь да вещи разные набросали. Папа на мешки уселся, и поехали мы в Калиновку. Домой приехали к вечеру. Как машину разгрузили, мне папа говорит: «Доченька, за старшую остаешься. За Меланьей

смотри! Дверь чужому не открывай! Я соседей попросил присмотреть за вами. Мы с мамой завтра к обеду дома будем». Закрыла я за отцом дверь на большой железный крюк, более похожий на кочергу, перекусили мы с сестрёнкой тем, что мама нам в узелок положила, и легли спать, знамо, на улице уже стемнело. Уснули быстро, так как в дороге умаялись. Вдруг сквозь чуткий сон услышала, как щеколда калитки звякнула. Вскоре чьи-то шаги послышались возле крыльца. Вскочила я с кровати, к окошку подбежала, но во дворе темно, ничего не видно. Слышу, кто-то уже в коридор проник. Разбудила я Меланью и приказала молчать. Дрожим от страха и ждём, что будет дальше. Слышу, вор с дверью возится, пытается через узкую щель чем-то крюк приподнять. Схватила я табуретку и стекло разбила. Меланья приказала к соседям бежать и помощи просить. Она шмыгнула в образовавшейся проём в перекрестье и убежала. А он крюк приподнял и в дом вошёл. Тихо так, словно на цыпочках, в зал идёт, где я спряталась. Узнала его. Это тот шофёр, перевозивший нас в Калиновку. А я под столом сижу тихо-тихо. Тут шум на улице поднялся, люди бегут к нашему дому. Он, словно зверь в клетке, назад к двери ринулся, да поздно уже было. Схватили его. На допросе он потом признался, что «добро» ему наше приглянулось. На хутор милиционер посыльного за отцом послал, а нас соседка к себе домой забрала. Вскоре папа на коне примчался. Обнял нас, слёзы себе и нам вытирает. Первый раз я видела отца плачущего. Рано утром председатель маму привёз, а скот потом соседи вместе с Митькой Петровым перегнали. Как немного все успокоились, заметили, что Меланьюшка перестала разговаривать. Сначала думали, что время пройдёт, она снова заговорит, но сестрёнка как в рот воды набрала. Долго её потом лечили, папа даже в область ездил к специалистам. Слава Богу, заговорила!

— Бабуль, а что с тем шофёром стало?

— Посадили его. Большой срок дали.

— А а бы его... — Варя замолкла, пыталась придумать, что бы она с ним сделала.

— Не горячись, внученька. Надо уметь прощать. Время нелёгкое было, голодное.

Вот и пошёл на кражу, ради своих детей. Говорят, что Пилепенковы бедствовали сильно.

— Прощать?!

— Да, Варя! Нельзя зло держать на сердце. Не от хорошей жизни фронтовик воровать пошёл. Много лиха на фронте он хлебнул, много раз ранен был. От мамы слыхала, что жили они до войны в Херсоне. А как фашисты на эту землю пришли, всю его родню расстреляли, а дом сожгли. Жена с малолетним сынишкой чудом живы остались. Она к брату на Кубань уехала за пару дней до немецкого нашествия. После войны он их там и нашёл. А потом его к нам в колхоз направили. Домик плохенький дали, туда он семью перевёз. Вскоре у них ещё два пацана родились.

— А что с его детьми стало?

— Не бросили их. Помогали всем селом, кто чем мог. Папа сразу им мешок муки отнёс да тыквами поделился, — Марья Никифоровна некоторое время сидела молча, видимо, что-то вспоминая. Отодвинув чашку с остывшим чаем, вновь заговорила:

— Уехали они из села. Долго о них никто ничего не знал. Однажды к председателю нашему родственник приехал из Кубани. Из сумки газеты достал, прочитанные в поезде. Председатель их аккуратненько на полку положил. Как-то на досуге решил посмотреть, чем другая область живёт. Развернул газету и глазам своим не поверил. На всю страницу статья об известном враче — Викторе Ивановиче Пилепенко, сыне того шофёра. И фото большое красуется. Он на отца сильно похож. Всем селом тогда эту газету читали.

— Вот я вырасту и тоже стану врачом.

Шорох в застрехе под крышей заставил девочку вздрогнуть.

— Не пугайся, Варюшка, воробы это. С весны у меня живут. Всполошились, видимо, что-то не поделили. А нам спать пора. Завтра на пирожки к Меланьюшке пойдём.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Николаевна услышала шум хлопнувшей калитки. «Кого это ещё принесло?» — подумала она и, вытерев о фартук руки, вышла из летней кухни.

— Танюша! — издали послышался ласковый голос. Из-за куста сирени, буйно разросшейся у дорожки, ведущей к дому, показалась улыбающаяся мать.

— Мама, что случилось?! Как ты здесь оказалась?

— Решила вас проведать, — улыбнулась она. — Соседи в церковь собрались, и мне место в машине нашлось. Вот на службе постояла, а то и не помню, когда последний раз в храме была, — не дав опомниться дочери, прижала её к груди и поцеловала в лоб.

— Чайник на плиту ставь!

Засуетилась дочь, сотовый телефон из кармана вынула:

— Галка, скорей приходи! Баба Дуся приехала!

Евдокия Ивановна перешагнула почтенный восьмидесятый рубеж, но сдаваться ещё не собиралась, хотя болезни отложили отпечаток на её осанке и бледном, с сетью глубоких морщин лице. Некогда высокая и статная, она уменьшилась в размерах и стала походить более на подростка. Коричневый сарафан, белая шифоновая блузочка и повязанный назад белый платочек выдавали в ней сельскую учительницу прежней советской закалки.

Жила она в совхозном доме в некогда крупном селе Поповка, в двадцати километрах от Калиновки. Работала в местной десятилетней школе, преподавала химию. Но в девяностых совхоз разорили. В поисках работы многие уехали в город. Уменьшилось количество учеников в классах, школу закрыли, а Евдокию Ивановну отправили на заслуженную пенсию. Много раз дочь звала её к себе, но она твёрдо стояла на своём, мол, пока ноги ходят, буду жить одна. Её часто навещали родные, привозили продукты, помогали с хозяйством. Она же из Поповки уже никуда не выезжала, давали знать о себе больные ноги, да и сердечко частенько пошаливало.

Снова шумно хлопнула калитка. Прибежала, запыхавшись, внучка.

— Бабулечка, как я рада тебя видеть!

Обнявшись, они вошли в дом. Быстро накрыли стол, засвистел на плите чайник. Из шкафа достали красивые, с розой на боку чайные пары.

— Эх, самовара не хватает, — бабушка снова улыбнулась. — Настоящего, с дымком. Мы с Колей любили после баньки чайку с медком на травках попить.

— Я помню тот самовар, — улыбнулась Галка. — Пузатый и большой, начищенный до блеска. Я в него, как в зеркало, смотрелась и рожицы корчила. Бабуль, а где он теперь?

— На чердаке лежит. Прохудился. Его отец на ярмарке купил мне в приданое. Отец дорого за него заплатил, — что-то вспоминая, она на миг задумалась. — Теперь нет мастеров такие самовары делать. А жаль, — Евдокия Ивановна отрешённо посмотрела куда-то вдаль, перебирая в памяти что-то давнее и для неё важное.

— Бабуль, расскажи, как ты с дедушкой познакомилась, — неожиданно попросила внучка.

— Доченька, ну что ты к бабушке пристала! Маме отдохнуть нужно, устала она, а ты с расспросами пристаёшь.

— Ничего, Танюшка, дома отлежусь. Пожалуй, расскажу, что знаю и что родители поведали. О роде своём до седьмого колена знать нужно! Дерево без корней быстро высыхает. Кто же вам ещё расскажет...

Татьяна долила чай в чашки и присела на диван, чуть поодаль от матери. Галка положила руки на стол и, упершись в них подбородком, приготовилась слушать.

— Маму отдали замуж как раз перед войной за вдовца-бригадира из соседнего села. Она говорила, что не хотела выходить за него, но послушаться отца боялась. Тот сказал, как отрезал: «Завтра сваты придут. Готовься». Ближе к обеду они с женихом появились. Маме сразу он не по нраву пришёлся. Худой, высокий, смотрит пронизательно, словно человека насквозь видит. За стол все сели, рюмочку выпили и о деле стали говорить, а их в чулан отправили, мол, идите, помилуйтесь. «Села я на мешок с рожью, он напротив присел на ящик, — рассказывала мама. — Молчит и смотрит внимательно. А потом к стене прислонился и заснул, то ли сделал вид, что заснул. Вот, думаю, и женишок, даже до свадьбы не поцеловал ни разу. Понял он тогда, что не люблю мне». И выдали её восемнадцатилетнюю дивчину за вдовца с двумя детьми. Сначала она муженька сторонилась, а потом пообвыкалась, с мальчиками-погодками пяти и шести лет поладила. И всё б ничего, а тут война началась. Вскоре назначили отца, Ивана Фомича, председателем колхоза. Взвалил он на плечи эту ношу и все силы отдавал работе. Домой забежит глубокой ночью, поспит пару-тройку часов и снова на поля да на ферму. Мама на сносях была, но тоже для фронта трудилась, норму выполняла. Сначала хлеба пекла и масло сливочное сбивала, а когда неважноту стало, носки шерстяные для воинов вязала.

— Бедненькая, как же она выдержала и ребёночка выносила, — посочувствовала Галка.

— Тогда все, даже дети, много работали. Кто хлеб пёк, кто зерно растил, кто за скотом ухаживал, — всё для фронта и победы! Так-то, Галчонок, — Евдокия Ивановна отхлебнула остывший чай.

— Мама, подожди, я сейчас подогрею, — Татьяна вскочила с дивана и с чайником отправилась на кухню.

— А враг рвался к Волге, — продолжала рассказывать бабушка. — Тут я родилась. Отец на третий день только смог меня увидеть. Забежал домой на минутку, уставший, постаревший. Обнял маму и говорит: «Собирайся, Фрося! Фашисты под Сталингра-

дом. Приказ поступил перегнать скот подальше от фронта. Детей собирай, с табунами пойдёшь». И пошла, а куда деваться. Мужчины все на фронте. Остались только больные и калеки. Детишек закутала, в телегу посадила и отправила вместе с другими детьми к стойбищу, а меня к груди привязала и с табунщиками по степи скот погнала. Как немцев прогнали с нашей земли, мы вернулись домой. После войны отца перевели в Поповку, совхоз поднимать. Моё полуголодное, босоное детство пролетело незаметно. К пятидесятым стало жить полегче. В пятьдесят девятом я школу закончила, и отец отправил меня учиться в педучилище. Братья к тому времени уже семьи свои завели. Миша работал инженером в МТС, а Виктор военным стал, и отправили его служить на Дальний Восток. «Езжай, дочка! Образование получишь, детей учить станешь. Сейчас стране умные люди нужны». Уехала я, а через год отца не стало. Военные годы дали о себе знать, сердечко не выдержало. После похорон мама мне сказала: «Дай Бог тебе, Дуся, такого мужа, как твой папка!» — и горько заплакала.

По окончании училища я замуж выскочила. — Евдокия Ивановна разулыбалась. — Нас случай свёл. Мы в общежитии с подружкой жили. Однажды суп решили сварить, а картошка закончилась. «Дуся, — говорит мне подруга, — сбегай в магазин, купи картошки, а я пока воду на плиту поставлю, да овощи почищу». На улице март, снег подтаял, но совсем не растаял. К вечеру подмораживало и становилось скользко. Купила я картошку, булку хлеба прихватила, тороплюсь в общежитие. Вдруг поскользнулась и растянулась на дорожке во весь рост. Моя картошка, словно мячики, по тротуару запрыгала. Пытаюсь встать, а ноги снова расползаются. С третьей попытки на колени встала, руками об землю упираюсь и думаю, что нужно как-то выползти с этого места. Вдруг меня кто-то ловко подхватил и на ноги поставил. Гляжу, а это парень. Красивый, высокий, плечистый, он мне сразу приглянулся. «Держись за меня, сейчас выберемся». Я ухватилась за его руку, и только мы пару шагов сделали, как свалились оба. Лежим и хохочем. «Место какое-то заколдованное», — говорю ему. А он отвечает: «Видимо, красавица, быть нам вместе, дорожка нас связала». Вскоре мы с Колей поженились. Он в это время строительный институт закончил. Сначала мы в Волгограде жили и по квартирам скитались, а потом мне предложили поработать в Поповке, обещали дом дать. Строили тогда для учителей. Подумали мы с Колей и согласились. В нём двоих детей нажили. Хороший у вас был отец и дедушка. Добрый и ласковый, — окончив рассказ, она внимательно посмотрела на внучку. — У тебя-то как дела? Что Степан? Слышала, выпивать стал?!

— Да ну его!

— Нет, внученька, и твоя вина в том есть. Народ-то не обманешь, он всё видит. Домой он не хочет идти, вот и пьёт.

— Бабуль, я ведь тоже устаю. Работа у меня ответственная. А ему всё не так: то пришла не вовремя, то не так на него посмотрела, то суп пересолила... А ещё ревнует постоянно. Устала от этого.

— Первое богатство — замужество, второе — счастливое супружество. А сохранить его не каждая умеет. Повнимательней к нему будь и подобрее. Он и потянется снова к тебе, и жизнь наладится. Да детей пора заводить. Женское счастье короткое, спохватишься, но поздно будет. А работа, она никуда не убежит, — за окном посигналила машина. — Это за мной. Соседи. Они дочь навестили, теперь домой едут и меня доvezут, — она посмотрела на настенные часы, стрелки которых показывали четыре часа. — Ой, Танюша, сколько у тебя времени отняла, а скоро Александр с работы придёт, а у тебя, поди, ужин ещё не готов, — и уже на крыльце добавила: — Пусть не ругается, что ужин не поспел. Скажи, что я тебя задержала. А ты, Галочка, Степану привет передай и скажи, что в выходные я вас обоих жду. Дело к Степану есть, и тебе найдётся, — садясь на заднее сидение машины, распорядилась она.

СЛАВИК

1

Вячеславу Владимировичу не спалось. Он ворочался с боку на бок, поглядывая на окно, в надежде увидеть рассвет, но он всё не занимался.

— Тебе что не спится? — проронила Полина Андреевна, приподнимая голову от подушки.

По-стариковски кряхтя, он встал с постели, натянул на ноги старые тапочки, отправился на кухню.

— Что, и водички попить нельзя?! Спи уже! — шумно хлопнув дверью, вышел из спальни.

Поставив чайник на газовую плиту, сел у окна и, всматриваясь в ночь, задумался. Вот уже шестьдесят лет исполнилось, вроде и не жил ещё, а уже дедом кличут. Как

жизнь быстро пролетела, не заметил даже, когда состариться успел. Всё куда-то бежал, деньги зарабатывал, торопился быт наладить, чтобы жить в сытости и на старость не жаловаться. А вот она и старость подступила, а чего хорошего в ней? И дом добротный отстроили, и деньжата водятся, пусть небольшие, но им с Полиной хватает, а покой-то в душе нет. Дети в городе живут, важные стали. А внуки и глаз не кажут. Что им тут делать?! Им теперь телефоны и компьютеры важнее деда с бабкой. А если приедут, то от айфонов оторваться не могут, впялятся в них, и слова доброго не дождётся. Чужими стали. Разве раньше так жили? Раньше малому радоваться умели, в гости друг к другу ходили. А вечерами по-соседски на скамейках собирались. Рядом детишки в разные игры играли, и мы им иногда подсобляли...

Закипел чайник. Дед налил крутой кипяток в любимый бокал с подсолнухом на круглом боку. Из шкафа достал чайный пакетик и конфеты. Закрыв плотнее дверь, включил на тихий звук телевизор: «Всё веселее будет». Шла передача о животных. Прихлёбывая чай и ещё находясь во власти нерадостных мыслей, Вячеслав Владимирович отрешённо смотрел на экран. Быстро мелькали кадры. Сначала показывали кошек, что-то о них говорили, потом появились смешные обезьяны, прыгающие по веткам где-то в Индонезии. А затем показали красавцев попугаев. Один из них жил с учёными и считал себя хозяином на станции. Он доставлял всем немало хлопот, но его баловали и любили. Но, самое главное, попугай умел говорить.

«Птичку, что ли, купить? — пришла внезапная мысль. — Хотя поговорить будет с кем, а то от жены слова доброго не дождётся. Молчаливая с молодости, да и я за сорок лет совместной жизни надоел ей хуже горькой редьки. Характерец у меня ещё тот». После выпитого горячего чая его внезапно сморил сон, и он заторопился в постель.

2

— В общем, так, Полина! — проснувшись, не терпящим возражения голосом начал разговор супруг. — Завтра едем в город на птичий рынок.

— На кой тебе птичий рынок понадобился?

— Птичку какую купим, — схитрил он. — Пусть поёт, веселее в доме будет. А то живём, как в гробу глухом. От тишины уже уши вянут.

— Придумал ещё! У тебя же телевизор в каждой комнате. С утра до вечера включен, хоть из дома беги. Птиц на улице полно, иди да слушай!

— Живой души хочется, Полинushка, — он крепко прижал её к груди. — Я сам буду за ней ухаживать.

На следующий день, выкатив из гаража старенькую БМВ, они спозаранку отправились в город. Шумный, в осеннем золотисто-багряном убранстве, он встретил их скрипом тормозов, сигналами клаксонов машин и утренней суетою спешащих на работу людей.

— Боже мой! Суматоха-то какая. Как же тут люди живут? — то ли удивлялась, то ли возмущалась Полина. — У меня уже голова кругом идёт.

— Привыкли. Им такая жизнь нравится.

— Как она может им нравиться? Спокойствия совсем нет, — она вздохнула. — Вот бегут, чуть ли не под машины лезут, словно роботы какие, и даже не задумываются, куда и зачем. Потом придёт понимание, да поздно будет. Человеку созерцание нужно и общение с небом, чтобы душой живыми быть.

Оставив на стоянке машину, в поисках нужной птицы, они пошли по рядам. Выставленные на продажу пичуги безразлично наблюдали за прохожими, но Вячеслава Владимировича не интересовали простые птички, ему нужен только говорящий попугай. У одного продавца они нашли маленьких ярких попугайчиков. Они прыгали по клетке, суетились, громко кричали.

— Красивый у вас товар! — присматриваясь к птичкам, начал он издали.

— Берите! Волнистые попугайчики.

— А они говорящие? — и, получив отрицательный ответ, направился дальше.

— Ты что, говорящего попугая купить решил?! — еле поспевая за мужем, с негодованием в голосе спросила Полина.

— Да!

— Совсем рехнулся под старость. Мало нам телевизоров, теперь ещё попугай орущий в доме появится.

Но Вячеслав Владимирович не слушал жену, а старательно искал желаемое. Обойдя всех торговцев птиц и не найдя себе пернатого друга, направился в продовольственные ряды. За ним покорно шла супруга, в душе обзывая муженька всякими нелестными словами. Вдруг мужчина остановился, заметив у ограды рынка худенького, небольшого росточка парня, державшего в руке клетку с жёлто-синим попугаем. Он торопливо подошёл и ещё не успел спросить, как услышал протяжное:

— Здра-вству-йте! Славик.
— Откуда он знает моё имя? — удивлённо и в то же время обрадованно спросил Вячеслав Владимирович.
— Это его зовут Славиком. Он культурный, знакомится с вами.
А попугай, обрадованный, что у него появился собеседник, встрепенулся и снова выдал:
— Чё устался? Сижу битый час взаперти. Летать хочу.
Вячеслав Владимирович оторопел. Вот она, его мечта!
— А что он ещё говорить умеет?
— Да многое. Славик у меня толковый. Быстро учится. Возьмите, пожалуйста! — парень умоляюще посмотрел на покупателей. — Я при храме служу и живу рядом. Его крохотного кто-то во двор подбросил. Жалко стало бедолагу, домой принёс, вырастил. Везде попугайчика с собой брал. Да вот недавно Славик службу в церкви чуть не сорвал. Настоятель сильно разгневался, — он тяжело вздохнул. — Я его бесплатно вам отдам, главное, не обижайте. Он хороший.
— М-да... Жалко, наверное, расставаться с другом?
— Я в семинарию только что поступил. Мне его некуда деть.
— Ну что, тёзка, пойдёшь к нам жить?
— Жить... жить. Лучше бы накормил меня, — недовольно пробурчал попугай.
Поблагодарив парня, всунув ему в руку свёрнутые купюры, мужчина взял клетку и, довольный покупкой, отправился обратно на стоянку. Вслед ему шла удивлённая жена. Она ещё никогда не видела говорящих птиц.

3

Славику отвели место на кухне. Клетку торжественно водрузили на тумбу возле окна. Открыв дверцу, позволили вылететь. Попугай, покружив, последовал в горницу знакомиться с новым местом жительства. Присев на спинку велюрового кресла, хрипло произнёс: «Здравствуйте! Славик». Оглядев комнату зоркими глазками-пуговками, слетал в спальню, гостевую и вернулся на кухню. Он облюбывал себе место на спинке старого дивана, стоящего у стены за печкой, где после обеда любил вздремнуть хозяин дома. После сытного ужина, утомлённый городом и дорогой, Вячеслав Владимирович прилёг на диванчик. Славик, нахохлившись, уселся рядом. Вскоре оба уснули.

Смеркалось. За окнами стемнело. Вдруг кто-то громко, нараспев пробасил: «Господи, упокой душу усопшего раба твоего!» Вячеслав Владимирович вздрогнул, бешено заколотилось сердце. «Неужто помер?!» — пронеслась в голове тревожная мысль. Он осторожно приоткрыл глаза. Траурная темнота нависла над ним: «В гроб положили, отпевают! А я ведь живой!» Он со всей мощи голоса заорал: «Я живой! Живой!» На кухню влетела Полина. Управившись с хозяйством, она только что зашла в дом.

— Слава, что случилось?! Что с тобой? Тебе плохо?

Супруга включила свет. Он встал с дивана, оглянулся по сторонам:

— Надо ж, приснится такое! Аж сердце зашло. Вроде как помер и в гробу лежу.

— Спал в неудобной позе, вот и приснилось. А попугай-то где?

Из-за спинки дивана появилась голова, и два глаза виновато посмотрели на хозяйина.

— Здравсьте! — прохрипел попугай и запел баском: — Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

— Вот кто меня хоронить вздумал! — хозяин дома погрозил Славику пальцем. — Ах ты, птица божья, до смерти напугал! Ну надо же, как умеет. Что он нам ещё выдаст?!

А Славик выдал рано утром, когда все ещё крепко спали. Закрытый в клетке, он завопил: «На молитовку! На молитовку!» И возмущённый, что никто не реагирует на его призыв, снова запел басом: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

— Вот, старый, хотел весёлости, получай, — сонно проронила Полина. — Вставай, корми домочадца.

Ближе к обеду, вроде как по делу, в дом заглянул Федька Косой. Увидев гостя, Славик спрятался за клетку.

— Это что за чудо у вас? — удивился Федька, стоя на пороге кухни.

— Ты чего, дружище, спрятался, — Вячеслав Владимирович погладил питомца по голове, — иди знакомься.

Попугай нехотя взлетел. Покружив возле незнакомца, сел ему на плечо. Заглядывая в лицо, вдруг спросил:

— Чай пить будешь?

Федька оторопел. Показывая пальцем на попугая, заикаясь, спросил:

— Он что, го-го-ворить у-умеет?! — собрался с мыслями. — Я таких только по телевизору видел.

— Он ещё не то умеет, — многозначительно ответил хозяин дома.

На следующий день все в селе уже знали, что Савицкие завели говорящего попугая.

— На кой им этот попугай? — удивлялись одни.

— Богаты, с жиру бесятся. Всё хотят, как городские, жить, — ехидничали другие.

— А может, Федька приврал? Что с него станет. Надо Силантиху порасспросить. Та всё знает, — говорили третьи.

Силантиха появилась через день. Она уверенно зашла в дом:

— Полина, с магазина иду. Там колбасу привезли, копчености разные. Сходила бы, разбирают быстро.

— Ты же, Валентина, не за этим пришла.

— Да, конечно. Я по делу заглянула, — ответила она, оглядывая прихожую. — Шкаф красивый у вас! Современный. В городе купили? Пройти хоть можно?

— Ну, проходи! — Полина улыбнулась, зная причину прихода первой сплетницы на селе.

— Мы тут решили кабанчика в выходные забить да маленько мяско распродать по соседям, — затеяла разговор, зыряка глазами по всем углам. — Может, вы тоже захотите купить? Мы недорого продаём.

Полина решила поддержать игру:

— А почему же не купить? Купим килограмма три.

— В магазине сегодня слышала, вроде вы птичку говорящую приобрели. Врут, наверное, наши бабы. Им соврать, что мёду испить.

— Нет, не врут.

— Неужто разговаривает, как мы?

— Ещё как разговаривает!

— А где же он? Показала бы, посмотреть хочется.

— У телевизора сидит, песни слушает. Он у нас меломан, оказывается.

Полине хотелось, чтобы Славик заговорил, сразив тем самым Силантиху, иначе её кумушки во главе с самой Валентиной промоют им все кости.

Славик стоял на полу в горнице и внимательно смотрел на экран, где шла передача «Звёзды девяностых». Ансамбль «Божья коровка» исполнял песню «Гранитный камушек». Полина выключила телевизор, чем вызвала недовольство попугая. Он, переминаясь с ноги на ногу, начал громко кричать, а потом, подражая солисту, запел:

Не ходи к нему на встречу, не ходи,

У него гранитный камушек в груди...

От удивления Силантиха присела на диван.

— Боже мой, он ещё и поёт. Не наврал Федька!

«Забавный какой, — подумала Полина. — И правда, с ним веселее»...

Утром Валентина Силантьева еле дождалась, когда откроется магазин. Ей не терпелось скорее поведать селянам о невиданном чуде, свидетелем которого она сама стала.

— Он песни девяностых любит, знает их наизусть. А как поёт! Даже лучше, чем певцы.

— Да ну тебя, Валька! Придумала же, — произнесла кто-то из женщин, пришедших купить продукты.

— А ещё он молитвы читает, — она торжествующе огляделась. — И не только читает, но креститься умеет!

— Ну, это ты совсем хватила! — возмутилась Платониха. — Как птица может креститься?!

— Кто бы сказал, не поверила бы, а тут сама видела, — и, довольная собой, добавила: — А кто не верит, сходите и посмотрите, — она ухмыльнулась и с гордо поднятой головой удалилась из магазина.

Не стало покоя в доме Савицких. Соседи, найдя любой предлог, забегали в гости, чтобы послушать попугая и подивиться его способностям. А Славик с каждым их приходом выдавал что-нибудь новенькое: «Ходят тут, ходят. Дел дома, что ли, нет!» А Глашке Петровой, как-то зашедшей на минутку, заявил: «А ты, Глашка, не путайся с чужими мужиками. Иди лучше полы дома помой. Грязь развела». Возмущённая Глашка, ехидно крикнув на прощание:

— Попугаев тут развели! Сплетники! А ещё культурными называются! — быстро исчезла за дверью, не забыв громко ею хлопнуть.

— Птица говорящая, ты так нас со всеми соседями перессоришь, — тоже возмутился Вячеслав Владимирович. — При тебе говорить-то ничего нельзя, тут же всё выложишь.

— Зато теперь не скучно. Ты же этого хотел, — проворчала жена. — Нет, Слава! Старость приходит не для развлечений, а для созерцания. В отпущенное Богом время нужно многое успеть, дела на Земле доделать, а главное — жизнь свою исправить, чтобы в вечность с чистым сердцем войти. Птица и то это знает, каждое утро молитвы нам

читает, а тебе всё веселья хочется. Горе ты моё...

Полина прислушалась.

— Калитка хлопнула, — она спрятала улыбку в уголках губ, — очередных гостей встречай...

ДРУГОЙ МОТИВ

— Там-тара-там, тара-там! Тьфу, — сплюнул в сердцах Петро. — Вот прицепился мотивчик!

— Ты чего ругаешься? — поинтересовалась Полина, поставив на крыльцо ведро, доверху наполненное огурцами.

— Да вот, как втемяшится что-то в голову, так никак не отвяжется.

— Урожай нынче на огурцы богатый. Банки из сарайки неси! Крутить будем, — словно не слыша мужа, приказала она. — Да не забудь доску в бане прибить. Там гвоздь ржавый торчит, я намеренно поранилась.

Взяв коробку с гвоздями, Петро отправился выполнять поручение жены. Не успел он ещё размахнуться молотком, как о себе напомнил прежний мотив.

— Да что же за напасть такая?! Откуда он взялся?

Вдруг под сердцем резко ёкнуло. И он вспомнил эту песню, бородатого бандита и совсем юную чеченскую красавицу с миндалевидными глазами, спасшую их группу тогда, в первую... двадцать шесть лет назад.

Пётр Харченко служил срочную в спецназе. Стояла весна тысяча девятьсот девяносто пятого года. В Чечне вовсю полыхала война. Командир батальона, где служил Пётр, получил информацию, что к одному из близлежащих сёл подтянулись боевики. Их отделению приказали проверить достоверность полученных сведений. Дождавшись вечера, группа из десяти человек скрытно подошла к селению. Оказавшись в начале улицы, бойцы быстро развернулись в боевой порядок и стали медленно продвигаться вперёд. Ступались сумерки.

— Странная тишина, словно все вымерли, — прошептал Витька Радченко.

— Здесь они. За нами следят, — только успел ответить Пётр, как зазвенели первые выстрелы. Пули просвистели над головами спецназовцев. Стрельба велась из окон саманного дома метрах в тридцати от бойцов.

— Отходим! — приказал командир отряда Саня Петров. Зазвучали новые выстрелы с конца улицы, отрезающие путь к отходу. — В кольцо берут! Живыми хотят взять. Слушай мою команду! Уходим через дворы и огороды.

Отстреливаясь, они вломились в первый попавшийся двор и, перемахнув через изгородь, оказались на другом подворье. Их искали, звучала беспорядочная стрельба и окрики дудаевских боевиков. В одном из дворов Пётр присел на краю канавы, чтобы перезарядить магазины и вдруг услышал метрах в двадцати от себя зловещий смех, переходящий в ритмичный мотив: «Там-тара-там, тара-там!» В него целился из «шайтан-трубы» бородач в чёрном одеянии. Он что-то прокричал на арабском языке и выстрелил. Пётр кувыркнулся через спину в канаву. Граната ударила в её стену, осыпав его землёю и камнями. «Ну всё, конец мне пришёл! Сейчас в меня пальнёт», — только успел подумать, как увидел, что наёмник, оскалась, стал медленно оседать. В его шее торчал нож, воткнутый по самую рукоятку, а за спиной бандита он увидел хрупкую чеченскую девушку. Она приложила палец к губам и позвала его за собой:

— Хасан злой человек! Он убил моего брата. Собирай своих, я выведу вас за село, — она торопилась. Прячась за деревьями, привела группу к подвалу. — Ничего не бойтесь, — прошептала девушка. Оглядевшись по сторонам, зашла сама и, впустив бойцов, закрыла на задвижку дверь. Ловким движением зажгла керосиновую лампу и попросила отодвинуть бочку с какими-то соленьями. Под бочкой оказался лаз. Сдвинув крышку, она первой спустилась по земляным ступеням в тёмную яму. — Торопитесь! Здесь подземный ход. Его отец с братом вырыли, когда война на нашей земле началась. Он ведёт во двор моей тётки, а там рукой подать до оврага. По нему вы уйдёте.

— А ты? Тебя же убьют!

— Я знаю, где спрятаться, и скоро ваши придут. Этих — здесь человек тридцать. В основном все пришлые. Держат селян в страхе.

— А Хасан за что убил брата? — спросил Пётр.

— Они пытались село отстоять.

— А зовут-то тебя как?

— Забудьте обо мне, если желаете мне добра. Так будет лучше.

Шли они недолго. Девушка остановилась и прислушалась.

— Я выйду первой. Уберу дрова, закрывающие выход. А теперь давайте прощаться, — и она тут же исчезла в узком земляном проёме...

Вскоре селение освободили от боевиков. Часть их убили, других взяли в плен и отправили в Москву, некоторые смогли скрыться. Пётр осторожно пытался найти девушку, спасшую ему и его товарищам жизни, но попытка не увенчалась успехом. А когда бригада, выполнив свои задачи, уходила из села, он слышал знакомый голос. Девушка пела красивую чеченскую песню:

*Хаза ю ламанца буйса,
Батто стиглахь нека до,
Ойла ю тоелла тховса,
Безам кийрахь ийбалю.*

Он понял, что пела она для них. Её прощальная песня...

Пётр так и сидел с молотком в руках, когда в баню зашла жена.

— Зову тебя, зову, а ты не откликаешься. Банки пора закручивать. Я рассол сварила, заливать нужно, — она внимательно посмотрела на мужа. — Что с тобой?

— Ничего, Полинуська! Песню вспомнил. Но это уже другой мотив.

И он запел тихо и нежно:

*Ночь светла над горной грядою,
По небу плывёт свет луны.
Пленены мы сладкой мечтою,
В сердце пламя, пламя любви.¹*

Полина прижалась к плечу мужа. Обнявшись, они ещё долго сидели в старой бане. Каждый думал о своём.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВОЯЖ

1

— Лёш, а Лёш! Ну, чего молчишь?

— Чего тебе? — не отрываясь от чтения газеты, спросил хозяин дома.

— Поговорить хочу, а тебя не дозовёшься.

— Дай спокойно почитать. Я на работе так наговорился, что помолчать немного хочется.

— Ну и молчи себе на здоровье, — Аня обиженно надула губки и ушла в спальню.

Позволить себе долго обижаться она не могла, дело требовало безотлагательного решения. Покрутившись вокруг зеркала, поправила причёску и снова вошла в зал.

— Лёш, ты бы телевизор включил. Может, фильм какой показывают.

Алексей грузно встал с кресла и, прихрамывая, подошёл к тумбочке, взял в руки пульт. В последнее время его стала мучить одышка, и давали о себе знать колени. «Старость не в радость», — пробормотал он, включая телевизор. Вернувшись обратно, плюхнулся в любимое кресло.

— Лёш, ну какая старость?! Тебе всего пятьдесят девять лет. Спортом нужно заняться да вес сбросить.

— Какой спорт с моей работой... Думаешь руководить предприятием легко? Одни нервы!

Не зная, как затеять нужный ей разговор, Анна начала издалека:

— Значит, нужно отдохнуть, в санаторий съездить, чтобы нервы полечить.

— Куда это ты собралась? — неожиданно спросил муж.

— Никуда, — озадаченно ответила она.

— Неспроста ты затеяла этот разговор. Давай выкладывай, что надумала!

Анне ничего не осталось, как сообщить мужу новость:

— Дочь наша надумала съездить за границу.

Алексей приподнял удивлённо брови.

— Куда?

— В Германию.

— Что ей дома не сидится?

— Говорит, что мир хочет посмотреть.

— А Игорь согласился? Его с работы отпустят?

— Так она без него собралась, — Аня искоса посмотрела на мужа. — У них ипотека, вдвоём им не потянуть.

— Пусть лучше за мужем приглядывает и домом занимается, нечего по заграницам шастать!

— Инна уже путёвку заказала, — как бы невзначай промолвила супруга, вставая с кресла. — Пойду чайник поставлю греться, что-то чайку захотелось.

Она быстро вышла из зала, обдумывая, как вывести разговор в нужное ей русло.

¹ Перевод В. Хаджимурадова.

Чайник закипел быстро. Анна достала конфеты, нарезала крупными ломтями черничный пирог, поставила чайные чашки и позвала мужа:

— Лёш, иди чай пить!

Чай пили молча. Аня видела, что супруг сердится.

— Тебе пирог понравился? — неожиданно спросила она и, не дав ему ответить, добавила: — Для тебя старалась.

— Спасибо! Вкусный.

— Лёш, а давай и мы поедем. Втроём веселее будет. Мы с тобой за всю жизнь дальше Петербурга нигде не были, да и дочь одну отпускать нельзя. Не дай Бог что случится.

— Аня, а ты подумала, во сколько тебе эта поездочка обойдётся? — он резко встал со стула и стал ходить взад-вперёд по кухне. — Возьмите путёвку в Петербург и езжайте вдвоём! Он ничем не хуже Германии.

— Путёвка, Лёш, уже оплачена... За двоих.

Он внезапно остановился и строго посмотрел на супругу.

— Одна без царя в башке! Покататься ей захотелось, но ей простительно, молодая да глупая. А ты куда собралась?!

— Знаешь, дорогой мой, я слишком преданно служила дому и тебе! Думаю, что заработала на недельную поездку с дочерью в Европу! — выпалила Аня и с гордо поднятой головой вышла из кухни.

2

На следующий день все в Калиновке уже знали, что Анна Владимировна с дочерью едут за границу.

— Владимировна у нас в Германию собралась, — прибежав в магазин, сообщила Силантиха. — На улице август, сбор урожая, а её в Европу потянуло!

— А почему бы не съездить, раз деньжата водятся, — парировала продавщица Наталья Ивановна. Она не любила Валентину и старалась при ней больше молчать, зная, что та добавит к сказанному и разнесёт сплетни по всему селу.

— Как же она одна, без мужа к германцам поедет? И не боится? — удивилась баба Маня, родившаяся во время войны и пережившая послевоенные лихолетья.

— Они вдвоём с Инкой едут. Её дочь теперь городская, богатая. Муж-то у неё мейнджер в нефтяной компании. Они уже квартиру себе купили, — съехидничала Силантиха.

— Всё ты знаешь. Пущай едут, тебе-то что?! — возмутилась Мария Петровна, пришедшая за покупками...

А в это время Анна вместе с дочерью уже бегали по городским магазинам, покупая обновы.

— Мам, ну зачем тебе это платье? — возмущалась Инна в одном из отделов магазина «Мега». — Нужно купить легкие брючки и пару красивых футболок.

— Ну, как же я без платья? Мы должны быть с тобою красивыми, в Европу же едем.

— Там никто в платьях не ходит! В Германии всё демократично.

Анна с трудом согласилась. Выбирали долго и нудно, наконец, всё необходимое купили, и вдруг Анна вспомнила про чемодан:

— Инка, мы про чемодан забыли! Такой, на колёсиках.

Вскоре в магазине сумок они приобрели синий чемодан. Сложив в него покупки, Анна отправилась в Калиновку.

3

Наконец, долгожданный день настал. Алексей Денисович отвёз жену и дочь в аэропорт. Радость наполняла сердце Анны. Она не могла поверить, что через несколько часов они с Инной будут ходить по улицам Дрездена. Белокурая, подстриженная под боб-каре, среднего роста, со слегка располневшей фигурой, умело спрятанной под новыми широкими голубыми брючками и белой шёлковой блузой, Анна чувствовала себя молодой и уверенной. Ощувив долгожданную свободу, она улыбалась. Её глаза излучали счастье.

Дрезден встретил их хмурой и дождливой погодой. Остроумный весёлый гид рассадил туристов по автобусам и стал развозить по отелям. На следующий день группа россиян собралась на площади Ноймаркт. Миловидная экскурсовод провела обзорную пешую экскурсию по городу. Анна восторгалась всем: атлантами у входа в здания, в арках — фигурами людей с орлами, высокими шпилями церковной колокольни на крыше оперы Земпера, но больше всего ей понравился дворец Цвингер. Её удивляли Коронные ворота, созданные с безудержной пышностью и помпезностью, а также Колокольный павильон с позолоченными часами и множеством маленьких фарфоровых колокольчиков, звенящих музыкой при отбивании каждого часа. Анна с дочерью

долго бродили по территории комплекса, восторгаясь его великолепиям. Вернувшись в отель, они делились воспоминаниями, а ночью, лёжа в постели, Анна долго не могла уснуть. Ей казалось, что она попала в сказочную страну чудес.

На другой день они наметили прогуляться по городу и посетить некоторые музеи. День выдался дождливый и не располагал к приятному времяпрепровождению, но взяв зонты, дочь и мать всё равно отправились на прогулку. Инна водила Анну по уже знакомым им местам. Осматривая те или иные архитектурные элементы, они изрядно замёрзли, и Инна предложила зайти в кофейню, чтобы испить кофе и погреться.

Пока дочь мыла руки, Анна решила сделать заказ. Она подошла к стойке и попросила на плохом английском языке подать им два кусочка фирменного немецкого пирога: «С какой начинкой?» — спросил продавец. Вдруг Анна поняла, что знания её английского закончились. Она пыталась показать пальцем, но парень делал вид, что не понимает, явно издеваясь над женщиной. Он что-то бормотал на немецком, а потом, бросив язвительно: «Английский учить нужно, раз едешь за границу», — наконец выдал ей два нужных кусочка. Пить кофе Анна расхотелось. Подошедшей Инне не терпящим возражения голосом она приказала:

— Пойдём отсюда. Это негостеприимная кофейня!

Открыв входную дверь, Анна повернулась к продавцу, смотревшему ей вслед, гордо окинула его взглядом и, снисходительно улыбнувшись, вышла.

Дождь, как назло, не унимался. Теперь Ане Дрезден не казался таким приветливым и красивым. Дворцы, построенные из известняка, стояли унылые и почерневшие. Обходя большие лужи на сером асфальте, она досадовала: «Надо же, как унизил...»

Оставшиеся три дня пролетели быстро. Их вояж подходил к концу. Собрав чемоданы, мать и дочь решили сходить в магазин, чтобы купить подарки. На обратном пути Инна предложила зайти в маленькое и уютное кафе возле их отеля:

— Мама, домой мы вернёмся поздно вечером, давай здесь перекусим.

Официант, высокий молодой белокурый парень, молча подал им меню.

— Здраво!¹ — неожиданно произнесла Анна.

Парень заулыбался и обрадованно ответил:

— Здраво! Ви сте из Русије?²

— Да, — улыбнувшись, ответила Анна.

— Веома сам срећан!³ — и добавил — Моје име је Марко⁴.

Когда официант ушёл, Инна удивлённо спросила:

— Мама, ты на каком языке сейчас разговаривала?

— На сербском, доченька.

— Я не знала, что ты знаешь сербский язык.

— Когда училась на втором курсе, я познакомилась с сербом. Закончив ВУЗ, он уехал в Белград. Мы с ним ещё долго потом переписывались. Благодаря ему немного знаю этот язык. А что Марко серб — сразу поняла. Он похож на Люблена...

Отвернувшись к окну, она задумалась: «Люблен... Где ты сейчас? А ведь звал, любил...»

* * *

Самолёт плыл среди пушистых облаков, мирно гудели моторы. Анне нестерпимо захотелось домой. «А Лёша был прав, — мелькнула внезапная мысль. — Лучше бы мы в Петербург съездили. Увы, Европа, оказывается, не такая уж сказочная и приветливая, как казалась мне раньше...»

СВАДЬБА

1

— Мама, Гришка женится! — в комнату вбежала запыхавшаяся Алёнка. — Сватать Марийку пошли! Парни кушаками перевязанные, с красными цветками на груди. Важные такие! — и, подражая им, она прошлась по комнате.

— Вот и хорошо! Парень он хороший, взрослый, пора ему семьёй обзаводиться.

— А мне ещё не пора? — встревожилась дочка.

— Нет, доченька! Тебе всего ещё седьмой год идёт. Вот вырастешь, и тебя замуж возьмут.

— Я тебе секретик открою, но ты никому не говори, ладно? Петька сказал, что же-

¹ Здравствуйте.

² Вы из России?

³ Я очень рад.

⁴ Меня зовут Марко.

нится на мне.

— Пусть твой жених сначала подрастёт, — мама улыбнулась вслед убегающей вприпрыжку дочери.

Вечером подвыпившие сваты с песнями под заливистую гармошку вернулись с добрыми вестями. «Просватали! — пронеслось по улице. — О приданом договорились, через месяц свадьба».

Месяц пролетел быстро. В пятницу, накануне свадьбы, приехала машина, нагруженная доверху всяким добром.

— Мама, везут, везут! Скорей смотреть пошли. Там уже все соседи собрались. Машина большущая! Вот такая! — Алёнка широко расставила руки, пытаясь показать её размер.

Вскоре послышались гудки. Грузовая машина, украшенная цветами, медленно подъехала ко двору жениха.

— Гринька, ворота раскрывай! Да пошире! Вишь, приданое какое! Невеста у нас богатая. Одних перин штук двадцать, да столько же подушек! — раззадоривают толпу друзья невесты.

Тут же донеслось с улицы:

— Проверить ещё надо, а то, может, в перинах не пух, а перья! Жесткой постелька-то будет! — и дружное «ха-ха!» разнеслось по всей округе.

— А вы, бабоньки, сами проверьте. Ну, какая побойчее, запрыгивай! — и несколько рук показались из-за борта.

— Шустрый який! — донеслось из толпы. — Сам слезай да подай, а мы поглядим да пощупаем! — и снова раздался весёлый смех.

— Красавица, может, и нам свадебку затеять? — не унимался первый.

— А ты дружков зашли, тогда и погугарим. А может, «да» скажу, а может, и гарбуз получишь.

— Филька, ты поосторожней! За Галину и бока намять могут.

— А мы не пугливые, — заступился за друга до сих пор молчавший Степан и, окинув всех взглядом, добавил: — Невест много, холостыми не останемся. — Эй, курносенькая, — обратился он к Алёнке, стоящей поближе всех к машине, — замуж за меня пойдёшь? — Алёнка смутилась и спряталась за спину мамы. — Раста быстрее, красавица!

На пороге с подносом в руках, с водружёнными на нём стопками и бутылкой водки появилась хозяйка дома — баба Тася.

— Вот вам, хлопцы, чтобы веселее вносилось.

Ребята спрыгнули с машины и раскрыли борта. Выпив по стопочке, принялись за разгрузку, демонстративно показывая приданое соседям.

— Невесомые! — поднимая связанные подушки, снова балагурил Филька. — А вы говорили, перо!

— Ниже, аккуратней, — уже неслось со двора. Это в дом вносили большой шифоньер, а следом на горбах парней уже двигался круглый стол. Вскоре машину разгрузили, и, громко рыча, она отправилась восвояси. Перешёптываясь, потихоньку стали расходиться соседи. «Завтра жениха провожать придём», — донеслось до Алёнки...

— Мама, а завтра уже наступило? — Алёнка на цыпочках подошла к краю постели родителей.

— Доченька, ещё очень рано, — мама посмотрела на будильник. — Шесть часов, Ложись, спи! Не бойся, не опоздаешь. Я тебя непременно разбужу! Без тебя свадьба никак не состоится.

Обрадованная дочурка медленно развернулась и так же на цыпочках отправилась снова спать.

А утром подъехали машины, и молодежь принялась их украшать. Для жениха и невесты выбрали чёрную «Волгу». На самом её верху красовались два золотистых кольца. В разные стороны расходились разноцветные ленты с наколотыми на них бумажными цветами. Две другие машины нарядили проще. Им достались ленты, цветы да воздушные шарики. В одиннадцать часов с крыльца спустился жених в новеньком тёмно-синем костюме, в белой рубашке, ворот которой обхватил синий в крапинку галстук. Рядом с ним — два дружка, грудь которых перевязана красными лентами.

— Куда вы, оканные! Всё торопитесь, — послышался голос бабы Таси. — Как без благословения! — на вышитом новеньком рушнике она держала старую большую икону, видно доставшуюся ей по наследству: — Вот, сыночек, отец не дожил, — смахнула слезу. — Живи с Богом и в радости!

Поцеловав икону, Гриня отправился за невестой, известив об этом клаксонами трёх машин. А во дворе под большим шатром уже накрывали столы для стремительно приближающегося торжества.

2

— Алёнка, иди одеваться! Скоро на свадьбу пойдём, — позвала мама играющую во дворе дочку.

— И я пойду? Меня тоже пригласили?

— И ты пойдёшь, — мама улыбнулась. — Пойдём косы плести.

Вскоре нарядная девчушка в бледно-голубом платье, с такими же голубыми бантами и в белых новеньких туфельках вышла за калитку. Её сразу же обступили подружки, не приглашённые на торжество.

— А у меня тоже есть красивое платье, — завистливо осматривая Алёнку, произнесла Наташка и отошла в сторону.

— Какие у тебя туфельки блестящие, — промолвила Танюшка и, присев на корточки, погладила их рукой. — А у меня таких нет.

— А ты маму попроси, и она, непременно, купит тебе такие же, — попробовала успокоить подругу Алёнка.

— Едут! Едут! — закричал Серёжка, увидев вдалеке наряженные машины.

Девочка влетела во двор:

— Мама, папа, мы уже опаздываем! Они едут!

— Не переживай, успеем, доченька! — улыбнулся папа, открывая калитку.

— Какие вы красивые! Прямо как король и королева из моей любимой сказки, — она не успела досказать, как её внимание привлекли подъезжающие гудящие машины. Они остановились у дома жениха, и первым выскочил свидетель. Он широко распахнул дверцу чёрной «Волги», и из неё вылез жених. Он обошёл машину, открыл другую дверцу и подал руку невесте. — Ух ты! — восхитилась Алёнка, увидев невесту.

Марийка в пышном длинном белом платье и воздушной фате была похожа на настоящую принцессу. Она взяла Гришу под руку, и они подошли к стоящей с иконой в руках матери. Благословив молодожёнов, им поднесли на красивом рушнике, расшитом петухами, хлеб да соль. Жених откусил большой кусок, а невеста совсем маленький.

— Молодец, Гриня! Мужчина должен быть хозяином в семье, — слышалось из толпы.

— Муж — голова, а жена — шея! Куда шея повернётся, туда и голова пойдёт, — хихикнул кто-то в толпе.

— Да ну вас, бабоньки, — снова раздался тот же голос.

А в это время молодожёны вошли во двор и отправились в центр шатра на приготовленные для них места, красиво украшенные цветами. Вслед за ними отправились гости, чинно усаживаясь по обе стороны пз-образного стола. Нашлось местечко и Алёнке. Она примостилась рядом с мамой, торжественно расправив новенькое платье.

И началась свадьба. По очереди вставали дяди и тёти. Они что-то долго говорили и кричали: «Горько!» Под это «горько» молодожёны начинали целоваться. Почему-то им приходилось это делать часто. «Интересно, — подумала девочка, — а куда они девают носы?» Когда Алёнка целовала папу или маму, ей всегда мешал нос. Она тихонько встала и сбоку подошла к жениху с невестой, но те, насыпав ей в руки конфет, отправили её обратно.

— Мам, мам, — Алёнка дернула маму за подол платья.

— Что, доченька?

— Я тебе хочу секретик открыть. Я не пойду замуж за Петьку.

— Почему ты так решила?

— Он сопливый! Как я с ним целоваться буду?

Мама улыбнулась.

— Ты сначала вырасти, а Петьку мы другого найдём.

Дошла очередь и до родителей. Они поздравили молодых, вручив Гриньке увесистый конверт. Своё «Горько!» громче всех кричала Алёнка, чем вызвала дружный смех гостей. Выполнив, как она считала, самую важную часть свадьбы, отправилась на улицу, где долго рассказывала подружкам о свадьбе, гостьей которой она была.